

УДК 82-94

**ФАКТОР ИДЕАЛИЗАЦИИ ДИНАСТИИ
РОМАНОВЫХ В МЕМУАРАХ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ (на примере публикаций
в журнале «Возрождение»)
А. Н. КРАВЦОВ**

**FACTOR OF ROMANOV DYNASTY
IDEALIZATION IN THE MEMOIRS OF
RUSSIAN EMIGRATION
(publications in the “Renaissance” magazine)
A. N. KRAVTSOV**

© 2014 г., Андрей Николаевич Кравцов – соискатель кафедры истории русской литературы XX–XXI веков филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, e-mail: kravtsov.au@gmail.com

Статья посвящена изучению мифологемы династии Романовых в эго-документалистике Русского зарубежья. В ней анализируются факторы идеализации, продуцирующие указанные мифологемы, на материале публикаций в журнале «Возрождение» (Париж).

Ключевые слова: эго-документалистика, мифологема династии Романовых, мифологический субстрат, фактор идеализации, антропологические свидетельства.

The article deals with myths of the Romanov dynasty in the ego-documentary by Russian emigrants. The factors of idealization that are producing these myths, based on the publications in the “Renaissance” magazine (Paris) are analysed.

Keywords: ego-documentary, myths of the Romanov dynasty, mythological substrate, factors of idealization, anthropological evidences.

Поступила в редакцию 6.03.2014 г.

Сдана в печать 13.03.2014 г.

Ключевой фактор любой мемуаристики – степень ее субъективности. Отсюда проистекает основная задача источниковедческого анализа мемуарной литературы – установление достоверности фактов, которые могут быть использованы в исторических исследованиях. Для литературоведа же субъективность – один из признаков, свойств жанра мемуарной литературы, придающих ему особую ценность. Через субъективность открывается авторское отношение к эпохе, воссоздается дух времени. Факты, изложенные на страницах воспоминаний, не всегда возможно сопоставить с историческими документами, поэтому они сами по себе уникальны и проверяемы только степенью правдоподобия. В случае когда проверить достоверность невозможно, на историческое событие можно смотреть «глазами документа» и «глазами мемуариста». Что же касается публичных общественных личностей, то, казалось бы, факты их жизни легко проверяемы по документальным источникам. В первую очередь это касается ключевых фигур эпохи, как например, Государя Императора Николая II и его семьи, если речь идет об истории XX века.

Если поначалу утрата России стала предметом постоянного переживания, то позднее эти мотивы были уже не столь явными. Уже в середине

1920-х гг. у многих эмигрантов возникает ощущение безвозвратности той России, которую они знали. Несколько лет назад еще не был столь явственно ощутим разрыв между отечеством и эмиграцией. Теперь понимание, что эмиграция – надолго, если не навсегда, становится частью русской зарубежной жизни. Былое, в котором все отчетливее чувствуется воздух ушедшего времени, уже перерастает их собственные воспоминания, перестает быть только лишь личным прошлым [9: 84].

Понятно, что подавляющее большинство лиц из окружения царя и двора оказалось после октября 1917 г. в эмиграции, а их публикации в зарубежной печати зачастую касались императора, равно как и династии Романовых в целом. Без прикосновения к этой теме было бы очень сложно, а подчас и невозможно показать эпоху, исторический фон, на котором происходили события, приведшие страну к катастрофе. К тому же «только в эмиграции могли увидеть свет воспоминания тех, кто близко знал русского царя и его семью; только в эмиграции выходили исторические труды, где правда не смешивалась с ложью» [7: 197].

Бесспорно, трагическая страница русской истории – убийство семьи Николая II – с 1918 г. и на протяжении многих последующих лет остается едва ли не основной темой публикаций в от-

ношении династии Романовых. Разумеется, тема эта была табуирована в Советской России. Однако и в целом о правящей последние 300 лет династии советская историография многозначительно умалчивала. Редкие мемуары, как, скажем, воспоминания графини Марии Клейнмихель «Из потонувшего мира», выходили в сильно отредактированном виде, так что из 306 страниц эмигрантского текста оставалось лишь 87. В отличие от советских изданий эмиграция активно вспоминала и тут же свои мемуары публиковала. Такие ежедневные газеты, как «Возрождение» и «Последние новости», печатали воспоминания о недавнем прошлом чуть ли не в каждом выпуске. Казалось бы, вследствие их востребованности поток таких эго-документов к началу 1940-х гг. должен был уже изрядно иссякнуть. Все, что хотели вспомнить, вспомнили. О чем не хотели рассказывать, забыли.

Между тем возобновившееся в 1949 г. периодическое издание «Возрождение» вновь вернулось к монархической теме, где помимо публицистических, исторических и поэтизированных сочинений стали появляться документальные материалы, из которых обращают на себя особое внимание следующие три: «Воспоминания» фрейлины императрицы баронессы С. Буксгевден с сопроводительным текстом публикатора (*Семенов-Тянь-Шанский Н. Д.* Царственные дети // *Возрождение*. 1961. № 115. С. 57–66), заметки И. В. Степанова «Милосердия двери» (*Возрождение*. 1957. № 67. С. 46–64) и очерк Нео-Сильвестра (Г. Гроссена) «Царь и художники» (*Возрождение*. 1957. № 67. С. 76–81). Указанные эго-документы открывают для читателя простые житейские моменты из жизни царской семьи, их обыденные радости и огорчения, их естественные эмоции и ожившие спустя десятилетия образы, наряду с их непростыми канонизированными судьбами. Антропологический подход в данном случае довлеет над текстуальным. Ведь в отличие от указанных сочинений, остальные публиковавшиеся в послевоенном «Возрождении» материалы рассказывают прежде всего о трагическом убийстве императора и его семьи. Характерна в этом отношении статья Т. Алексинской об однозначной реакции эмигрантской и иностранной прессы на убийство царской семьи как на уголовное преступление (см.: *Алексинская Т. И.* Эмигрантская пресса 1920–1939 гг. об убийстве царской семьи // *Возрождение*. 1963. № 139. С. 21–38).

Но касаясь их жизни, публикации, как правило, вводят читателя в мир устоявшихся мифологем, нарочитой мистики, красочных лубочных зарисовок, надуманных моделей поведения. Таковы, например, воспоминания последнего министра

финансов императорской России П. Л. Барка, в которых Николай II прямо-таки обожествляется (*Барк П. Л.* Воспоминания // *Возрождение*. 1966. № 178). Равно как и описание мистически-религиозного происшествия при посещении Николаем II монастыря во время его поездки в Ставку. Монастырские схимники, задолго до канонизации императора, «признали» в нем святого и поклонились ему в ноги (*Шереметев Д. С.* Государь на фронте // *Возрождение*. 1957. № 67. С. 37–42). Вместе с тем, хотя имеются обоснованные рассуждения о причинах Октября вслед за февралем 1917 г., когда отречение императора, являвшегося своего рода стержнем, позвоночником всей системы, вызвало распад всей структуры, все же император остается фигурой умолчания, недостижимым и потому непознанным: «Взоры толпы были обращены вдаль <...> на большой гнедой лошади ехал медленно всадник. Из-за расстояния лица Его никто не мог различить, но все поняли, что это мог быть только Он. Волна непрерывного ура шла перед Ним, окружала Его. Что-то величественное и за душу берущее звучало в этом могучем гуле. Еще несколько мгновений, и всадник промелькнул перед всеми, пронесся галопом вдоль строя в сопровождении нескольких других всадников. <...> Многие оборачивались и смотрели туда, где был Он, непонятный и великий, повелитель сотен тысяч войск. Кто в этот момент мог бы усомниться в Нем? Никто не мог себе тогда представить конец этого величия и распыление этих, так крепко спаянных человеческих масс, называвшихся Российской Императорской Армией» [1: 39].

В чем причина такой мифологизации? Являлось ли это попыткой прикрыться именем «доброго царя», санкционировать то, чему сами же разрешили свершиться? Попытками самоуспокоения или самооправдания? Исповедания перед прошлым? Характерным механизмом памяти, защищающим от произошедших трагедийных неприятностей? На мой взгляд, подобно Георгию Иванову в его «Петербургских зимах», авторы тем самым манифестируют свою причастность к «великим теням» недавнего прошлого, оваянного ностальгическим туманом и на их глазах превращающегося в миф [3: 77].

И еще – в указанных сочинениях автобиографический нарратив помещает внутрь себя нарратив биографический – своя судьба напрямую связывается с судьбой правящей династии. В качестве объекта написания воспоминаний заявляется царская семья, а субъектом выступает нарратор. Такая опосредованная и завуалированная форма саморефлексии позволяет в данном случае достичь очень высокой степени откровенности.

К тому же общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на коллективную и индивидуальную историческую память, представляя собой сильнейший регулятор общественного поведения при поисках ориентира для идентификации. Так, П. Шкаренков отмечает, что «мифы возникают вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывает удовлетворения от принадлежности к нему, как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию – потребность в солидарности общественного коллектива» [6: 124]. Это мы и наблюдаем в неоднородном эмигрантском сообществе, стремящемся к единению через прошлое.

В современных публикациях отмечается, что лишь в последнее время некоторые исследователи стали обращать внимание своих коллег на тот прискорбный факт, что «сами личности “обреченных” на царствование представителей династии (особенности психологии, образования и воспитания монархов, их ориентация в сложной системе принятия решений, влияние окружения, быт и нравы придворной среды, менталитет общества и т. д.) до сих пор остаются менее всего изученными» [4: 6–7]. Между тем, полагают историки, «видеть в царской судьбе – человеческую, а в царе – личность необходимо, иначе многого не понять» [5: 194]. Среди них есть и те, кто задались целью «воссоздать облик последнего русского царя» так, чтобы, выслушав его рассказ «о себе, о своем восприятии людей и событий», увидеть в нем «живого человека и реального политика в конкретных обстоятельствах времени и места». «Для того чтобы понять любой исторический персонаж и судить о нем, – мало знать какие-то конкретные эпизоды и события, с ним связанные; необходимо установить глубинные нравственно-психологические причины и импульсы, обусловившие его поведение и поступки, то есть следует понять прежде всего самого человека, а уж затем рассматривать его в политическом действии» [2: 22].

Как уже отмечалось, среди публикаций в «Возрождении» наиболее реалистично, на наш взгляд, семья императора Николая II показана в воспоминаниях Буксгевден, отрывок из которых был переведен с английского оригинала книги и помещен внутри очерка Н. Семенова-Тян-Шанского «Царственные дети». Зарисовки детей императора, сделанные Софьей Буксгевден, переданы через проникновение в их характер. Из-за того, что царская семья показана обыкновенной русской семьей, через обыденное приближение к ним, еще сильнее

чувствуешь их трагедию. Личность самого Николая II показана в выдержках все из тех же мемуаров четырьмя годами ранее (*Буксгевден С. Император Николай II, каким я его знала: Отрывки воспоминаний* // *Возрождение*. 1957. № 67. С. 28–36). Данная публикация рассказывает о распорядке дня и правилах жизни царской семьи. Описываются частные случаи, несомненно иллюстрирующие общее в характере государя и его близких.

Одно из лучших воспоминаний о царской семье, опубликованных в «Возрождении», несомненно, «Милосердия двери: Лазарет Ее Величества» И. Степанова. Император здесь упомянут лишь вскользь, зато какое точное и полное дано описание характеров, поведения, внешности императрицы, дочерей и наследника.

И наконец, яркое личностное представление о Николае II можно получить при чтении очерка Нео-Сильвестра (Г. Гроссена) «Царь и художники: Как художник Н. П. Богданов-Бельский писал портрет императора Николая Второго». Рассказана жизненная история о написании портрета государя, о препонах Министерства двора, об этюдах и прочих художественных деталях «до-цифровой» эпохи создания визуальных образов. Богданов-Бельский жил в Риге, как и Нео-Сильвестр (Гроссен), где они дружили и где были подготовлены указанные воспоминания. Позднее более полная версия также появлялась в других публикациях Г. Гроссена – в «Возрождении» и «Новом журнале». Автор указывает, что это отрывок из готовящейся к печати книги «Жизнь для искусства». Однако такая книга никогда не была издана. Более того, в архиве Г. Гроссена, в настоящее время хранящемся в Исследовательском Центре Восточной Европы в Бремене (ФРГ), рукопись подобной книги также не обнаружена. По мнению историка литературы И. Толстого, высказанному в частной беседе, в данном случае это мог быть лишь замысел писателя, так, к сожалению, никогда и не осуществившийся.

И все же по прочтении воспоминаний о династии Романовых не удастся избавиться от одной из тех традиционных черт историографии, согласно которой исторический образ Николая II создается по образу и подобию автора, что очень хочется исправить [2: 28]. Это происходит вне зависимости от того, где воспоминания писались – в эмиграции или метрополии.

«Что же тогда сообщает эту безусловную, в глазах исследователей, ценность тем или иным далеко не бесспорным мемуарным изречениям?» – задается вопросом исследователь Ю. Горбунова. «Только одно – они оправдывают авторские ожидания услышать именно такие свидетельства

мемуаристов, а будучи услышанными, эти последние приобретают уже и доказательную силу. Противоречивость мемуарной литературы при этом нисколько не отрицается (иногда даже подчеркивается), но любые «неправдоподобные» сообщения приобретают статус несущественных – ложных или лживых» [2: 24].

Безусловно, изучение последнего российского царствования, прежде всего, сохраняет свой политизированный характер, ибо государственная деятельность императора Николая II продолжает интересоваться исследователей и историков лишь постольку, поскольку в их глазах она содействовала или препятствовала прогрессивному течению исторического процесса в России. При этом демонстрируется совершенно разное понимание направления и сути российского общественного прогресса, но привычка изучать и оценивать деятельность последнего самодержца с точки зрения того, что он сделал и чего не сделал для реализации «предпочтительной» альтернативы развития страны, одна и та же [2: 28]. Мы же подошли к данному исследованию со стороны литературоведения, со стороны эго-документалистики. И в таком случае учитывается противоречивость свидетельств. На это же указывает протоиерей А. Шаргунов в предисловии к сборнику «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных»: «Здесь много свидетельств, и они совпадают. И это очень важно,

потому что много клевет было на Царя. <...> Эта книга как пощечина клеветникам, потому что такой книги еще не выходило. Клеветники должны замолкнуть раз и навсегда. Правда торжествует» [10: 5]. Как видим, обычная разноречивость человеческих свидетельств им признается, но одни из них получают при этом постыдное наименование «клевет», а другие называются «правдой». Так происходит потому, что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях императора невольно совмещена с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы последнего царствования, о приемлемости последующего этапа ее истории и подобных вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам [2: 29]. Для нас же было необходимо отделить монархическую патетику и попытаться разглядеть сугубо личные антропологические свидетельства среди шаблонных заметок, навеянных общей мифологемой эмигрантского творчества. Было крайне важно выделить и проанализировать два особенных, применимых сугубо к эмиграции, фактора: идеализации и деидеализации. Оба эти фактора продуцируют мифологический субстрат в историко-реальных построениях, когда прежняя дореволюционная Россия возводится в «позитивный миф», поскольку она – родина, а зарубежная Россия – в миф негативный, поскольку она – чужбина [8: 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаевский А. Государь // Возрождение (Париж). 1963. № 139.
2. Горбунова Ю. Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 289. С. 14–30.
3. Грякалова Н. Фикциональное поле мемуарных очерков Георгия Иванова (случай А. Блока) // Георгий Владимирович Иванов: материалы и исследования: 1894–1958: Международная науч. конф. / сост. и отв. ред. С. Р. Федякин. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. 462 с.
4. Корелин А. П. Введение // Российские самодержцы. 1801–1917. М.: Международные отношения, 2004. С. 4–12.
5. Кряжев Ю. Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997. 224 с.
6. Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 116–125.
7. Орехов Д. Подвиг царской семьи. СПб.: Невский проспект, 2001. 222 с.
8. Федоров Ф. П. Мемуары как проблема // Мемуары в культуре русского зарубежья: сб. статей. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 5–22.
9. Федякин С. Мемуаристика Георгия Иванова 1920-х годов // Георгий Владимирович Иванов: материалы и исследования: 1894–1958: Международная науч. конф. / сост. и отв. ред. С. Р. Федякин. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. С. 81–91.
10. Шаргунов А., протоиерей. Предисловие // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 5–12.